

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Охотиться, точнее сказать ? таскаться с ружьем, я начал рано... В 1935 году, когда мне шел одиннадцатый год, наша семья, ведомая папой, год назад возвратившись с великой стройки Беломорканала, никогда, нигде не находящая пристань свою, в поисках лучшей доли и длинного рубля, рванула в Заполярье, в Игарку, где отбывала ссылку раскулаченная семья деда Павла. По прибытии в Игарку папа с новой мамой подкинули меня в семью деда, обретавшуюся в переселенческом бараке, в комнатке метров в десять-двенадцать, и спал я под столом, потому как другого места мне не сыскалось. Барак был двухэтажный, набитый народом под завязку. Особенно много здесь было ребятшек: крестьяне плодились и в деревне, и в ссылке, что кролики. В комнате деда Павла над единственной кроватью, "на ковре" ? пестрой, из лоскутов сшитой пластушинке, гордо висело одноствольное ружье с патронташем; на подоконнике в консервных банках маялись герани и даже цвели летней порой. Это и были главные украшения спецпереселенческого жилища. Однажды днем, а раз был день, значит, произошло это где-то в марте, по бараку разнесся слух, что на барачной помойке и вокруг нее бегает видимо-невидимо куропаток, и я, уже давно с вождением поглядывающий на ружье, снял его и патронташ с "коврика" и ринулся вон из барака. За мной нарастающей волной катилась ребятня, зиму-зимскую обретавшаяся в коридорах, потому как в комнатах играть негде, на улицу морозы не пускают. Леса приполярные, хилые, вокруг Игарки были вырублены из противопожарных соображений и от комара; пеньев-кореньев вокруг тьма, на вырубках изобильно росли голубика, морощка, густел кустарник ивового стланика и карликовой березки, и, когда в глухие зимы мелколесье в уреме заваливало глубоким снегом, птица слеталась на вырубку, где снегу было поменьше, да и выдувало его ? кормилась тут. Куропаток довольно успешно ловили силками, но чтобы стрелять ? не слышно было ? припас дорогой, да и ружья редко у кого велись, спецпереселенцам их иметь и вовсе не полагалось. Я думаю, дед мой ? хитрован держал ружье незаконно, он скорее всего "подмазал" кого следует и получил нужный документ. И вот, не сознавая сложностей классовой борьбы, всей серьезности текущего момента, вольный казак, охваченный, даже ослепленный азартом, гонялся я с ружьем за куропатками в надежде настрелять их целую кучу, ибо совсем недавно слышал, как сын доктора Питиримова, у которого бабушка служила прислугой, одним выстрелом снял в лесу с дерева семь птиц. Куропатки, где бегом, где л?том, отходили от меня к недалекому лесу, там птицы поднимались на крыло и рассаживались по березняку. Белыми комками были густо обвешаны приземистые заполярные березы. Птицы на них сидели спокойно, иные опщивались, иные лениво срывали клювом почки с ветвей. Я выбрал дерево с особенно густо обсевшими его птицами и поднял ружье. Со всех сторон сыпались советы "знатоков" ? целить под брюхо птицы, но лучше в "центр", крючок спусковой не рвать, а давить на него плавно, но самое главное: плотнее прижимать приклад к плечу, иначе так толкнет, с ног свалишься "к едрене фене". Изю всех советов мне больше всего запомнился последний, и я до сих пор приклад прижимаю так плотно, что того и гляди плечевую кость отломлю. А тогда, как я ни прижимал к себе приклад, как ни унимал волнение свое, ружье качалось, будто стрелок не на снегу стоял, а на волнах плавал. Руки мои совсем ооченели, палец, лежавший на спуске, прилип к железу, и, порешив, что сойдет и так, я зажмурился и давал курок. Грянул выстрел. Я не упал, не пошатнулся, а когда открыл глаза, обнаружил, что передо мной плавают черный дым, но куропатки с дерева не падают. Они как сидели, так и сидят, которые поджали лапки, которые шеи вытянули в мою сторону, будто спрашивали, чего это я раздухарился-то, зачем шум в зимнем, мирном лесу поднимаю, лишь с пяток птиц снялось с березы и отлетело в глубь леса. Парни, пережившие вместе со мной минуты напряжения, пока еще не обзывались, не подначивали меня, лишь настойчиво советовали "подкрастись" еще ближе к березе, и я, ссутулившись, вобрав голову в телогрейку, начал "крастись". По мере моего приближения птицы срывались с дерева, отлетали от меня, большинство из них и на деревья не садились, красиво планировали на снег и начинали бегать, наговаривая "фирь-фирь". Порешив, что на "полу" попасть в цель будет проще, опять я зажмурился и пальнул в бегающих, вроде как играющих птиц. Пальнул раз, другой, третий. Парни кричали: "Дай я! Дай я!", но, увязая в снегу, ухая по пояс в сугробы, совершенно потеряв голову, гонялся я за куропатками и палил, палил, пока один дровосек (несмотря на изобилие деревянных отходов с лесозаводов и вообще всяких дров, практичные спецпереселенцы летами корчевали пни на вырубках и зимой, когда на морозе дерево колетса легче, умело распластывали пенья-коренья и для жару добавляли их к заводским дровам), так вот пожилой дровосек остановил мою пальбу, сказал, что всех птиц сразу никак не подшибешь, надо целиться в одну, следует ее посадить на мушку и тогда уж, зажмурив лишь один глаз, но не

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru оба, "надавливать на собачку". В патронташе у меня остался один патрон, и этим последним патроном я сшиб одиноко сидевшую на елке куропатку. Объяснения с дедом описывать не могу по той простой причине, что речь состояла из сплошных матюков, хотя матюки для чалдонского уха все равно, что для интеллигента музыка ? с колыбели привычные, и если они вдруг остановились бы, много бы на этом свете чего остановилось. Ведь не зря же деревенские бабы жаловались, что в войну начали матерно выражаться только потому, что кони с места не двигались, не понимая никакой другой речи, кроме той, к которой приучили их мужики. Главное и горькое дело заключалось в том, что дед спрятал патронташ и гильзы, и только ружье по-прежнему красовалось "на ковре". Несколько порченных гильз я все-таки отыскал, и вместе с парнями, которые где-то добывали маленько пороху, дробь и пистонов, мы тайком заряжали патроны, волоклись за бараки, в поле и попеременно выстреливали их. Не помню, добыли ль мы куропаток и сколько их поранили, одаривая едой тоже шустрящих на вырубках и вокруг помоек песцов. Отец ружья мне не давал вовсе, потому как считал себя великим охотником, говорил, что ружье, как и "жану богоданную", доверять никому нельзя, и еще, не иначе, как исходя из личного опыта, увещевал меня наставлением того, что кто стреляет и удит ? из того ничего не будет. Рыболовецкая бригада во главе с двумя мужиками добывала в Енисее сетями и переметами "красную рыбу" ? осетра и стерлядь ? километрах в пятидесяти выше Игарки, и к нам, под "узаконенное крыло" явился сноровистый браконьершко ? дед мой Павел. С ружьишком явился, и я уж так перед ним выслуживался, так ему помогал во всем, так его умасливал, что дал он мне ружье и пять патронов с наказом, чтобы на пять патронов пришлось не менее десяти-двенадцати уток. Уток на ближних озерах, непуганых, ко мне, удильщику, привыкших, плавало допдна, но я отчего-то затеял порешить гагару, которая надоела мне своим громким поведением: то она крякала беспрестанно, то плакала, стонала и норовила снять с удочки рыбу, подныривая под мой плот. Я посадил в гагару все выданные дедушкой патроны. Папа мой пожал плечами, дескать, иначе и быть не могло. Дед сказал: "Придурок советский", и, перемежая непечатные выражения доступными словами, объяснил мне: гагару и настоящему-то охотнику редко удается добыть, что мясо ее в пищу не годится ? воняет рыбой, а уток, прежде чем стрелять, надо было подпущать ближе, дожидаться, когда они сплывутся в кучу, и лупить в самую середку табуна. Наука деда была ясна и доходчива, но на практике неосуществима, потому как более он мне ни ружья, ни патронов не давал. И лишь ближе к осени, снова появившись в нашей бригаде, дед смилостивился и дал мне ружье с пятью патронами и опять поставил задачу ? принести не менее десяти-двенадцати уток. Но снова планы рухнули, снова охота моя завершилась скандално. На чуть отдаленном от Енисея озере, окруженном с одной стороны ягельными холмами, красно облитыми брусникой, а с другой ? плотно подступившими кедрами, по берегу ? чернолесьем, уютными полуостровками и островками убранном, жили лебеди, ко мне уж немного привыкшие. Одного из них я без труда и без пощады застрелил. Заряды у деда были слабые, дробь самодельная, и я помню, как лебедь долго пытался поднять голову с воды, как, плавая кругами, хлопал, бил крылом и вода словно бы пенилась от белого пера. Дед лупил меня по башке и по чему попало лебедем до тех пор, пока тушка птицы совсем не обнажилась и все вокруг не побелело от пера, а я целый день потом сплевывал пух изо рта. Куда дед девал мою добычу, я не знаю, но на озеро он со мной ходил и, стоя на берегу, сняв фуражку, кланялся сторожко в отдалении плавающим лебедям: "Ангельские пташки, лебедушка-мать, ? простите этого малого дурака, ни Бога, ни креста на ем... и тыркал меня в бок: кланяйся и ты, дурында такая, отмаливай свой тяжкий грех..." Отмаливал, долго отмаливал, и по сию пору, наверное, не отмолил. Но наука дедова пошла впрок: в лебедя больше никогда не стрелял. Охоту в Заполярье, в особенности в отдалении от города, и охотой в те годы считать было нельзя. Птицы, особенно во время перелета, было так много, что не составляло никакого труда ее добыть столько, сколько надобно. Мне, вскорости переместившемуся в детдом-интернат, доводилось глазеть, как осенней порой на мысу Самоедского острова стоя, городские пьяненькие охотники весело вышибали птиц из тучей налетающих табунов уток и как они черными комками сыпались на отмель, шлепались в грязь, в воду. Парнишки вместо собачонок подбирали битую птицу в грязи, гонялись за подранками на лодках. Мой дед к этой поре загинал ? утонул на рыбалке, ружьишком разжиться не у кого было, и лишь однажды, приехав на каникулы в станок Карасино, где папа работал засольщиком рыбы, выследил я одинокого гуся, выпросил у папы ружье и великим старанием, немыслимой ловкостью добыл его. Поскольку удача такая случилась в детстве единственная, она крепко отпечаталась в памяти, я описал ту охоту на гуся подробно и, как мне кажется красочно, в своей книге "Последний поклон". И все. На этом заканчивается первый этап моей охотничьей жизни. Второй этап, вынужденный, наступил через много лет, уже после войны, году так в сорок седьмом. После демобилизации, в 1945 году я оказался на

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
родине жены, в промышленном городке Чусовом, стоящем на реке Чусовой, ?
красивейшей реке Европы, описанной Маминным-Сибиряком, ныне погубленной
лесосплавом, отравленной промышленными отходами. В реку Чусовую возле городка
впадали еще две реки, начинающиеся на западном склоне Уральского хребта, ? Вильва
и Усьва. Вот на Вильве-то, в восемнадцати верстах от города, располагался покос
моего тестя. Многодетная рабочая семья тестя, потерявшая на войне и по причине
войны пятерых детей, продолжала жить коровой и огородом. Тесть, поднявший на
пару с тещей девятидетную семью, ? это в советах-то! ? при вечных нехватках
всего, начиная с хлеба и кончая одеждой, был уже крепко надорван, изношен, и ему
требовалась на покосе помощь. Однажды в конце августа и отправился я в местечко
Узкие, возле которого и располагался покос тестя. Идти надо было по старой,
почти на всем протяжении выкошенной телефонке и за восемнадцать верст перевалить
восемнадцать гор и горушек. В большой тоже семье брата тещи велось ружье ?
одноствольная переломка, и хотя я хорохорился, мне, дескать, после фронта ничего
не страшно, все же на всякий случай ? медведь вдруг нападет, лихой человек
повстречается, ? всучили мне ту переломку и к ружью патроны ? полный карман.
Хотя и утомительна была дорога, но так красива, а я был так еще молод и бодр
духом, что одолел восемнадцать верст одним боевым броском, да еще на подходе к
Вильве подстрелил рябчика. Выводок, и довольно большой, вспорхнул передо мной и
рассыпался по опушке леса, но сколь я ни напрягался, ни единой птицы увидеть не
мог. Так бы и пошел дальше, как вдруг из-за ствола березки выглянул рябчик и по
молодости своей любопытно разглядывал меня, дивовался человеком, которого явно
еще ни разу не видел. Я тщательно прицелился, выстрелил и попал в голову
рябчику. Помню, долго я сидел, разглядывая свою добычу. Рябчик был молод,
наряден и мягок ? два чувства обуревали меня: первое ? чувство добытчика, второе
? чувство жалости. В Узких, куда меня переправили на лодке, на красивом берегу
стояло два дома с обширными надворными постройками ? дом лесничего и метеоролога,
следившего за уровнем воды в Вильве. Был здесь когда-то лесоучасток, но из-за
отдаленности замер, оставив несколько пустых, уже завалившихся построек и
множество вырубок с гниющим лесом и отходами, которые почти ежегодно горели, а
от них выгорали богатые леса вокруг, со временем сюда доберутся еще переломные
отряды строителей социализма и подчистую выпластают леса и сплавят молам по
Вильве, половину древесины утопив в пути. Но пока здесь было раздолье: ягод ?
бери не выберешь, дичи на вырубках и по речкам, втекающим в Вильву, да и по
самой Вильве ? стреляй не перестреляешь. Не помню, чего я еще добыл в тот раз,
но Узкие и здешние окрестности надолго сделались для меня землей обетованной,
много радостей и красот мне подарили. Однако с ружьем дела обстояли худо, с
припасом ? и того хуже. Дробь с двоюродным братом жены, который и владел
переломкой, мы научились катать, но где взять порох, пистоны? Денег, мною и
женой зарабатываемых, едва хватало на хлеб, на молоко для ребенка и на дрова. Но
хранил нас Бог и помогал не только на войне, не оставлял, доглядывал и после
войны. В соседнем городке Лысьве жили крестный и крестная моей жены. Людями они,
в нашем понимании, да и в нашем ли только, считались состоятельными, имели свой
дом на красиво называемой улице Цветочной. Огород и садик у них был,
радиоприемник и необходимое имущество, но главное ? у крестного было ружье
"тулка", выпуска тысяча девятьсот двадцать четвертого года ? моя ровесница! На
ту ровесницу я поглядывал тенденциозно: снимал ее со стены, гладил, протирал
тряпочкой. Бывавший со своим ружьем всего несколько раз на охоте, добрейший,
мирный человек, крестный жены тем не менее успел подпортить его: он пробовал
выстрелом вышибить пробки, которыми были заткнуты стволы ружья. Стволы,
естественно, раздуло, но какой-то умелый человек стволы обрезал, посадил на
прицельную линейку новую мушку ? и ружье, почти новое, чуть тронутое в стволах
раковинками от того, что его не чистили, не смазывали лет десять, жило на стене
тихой жизнью. Не имевшие детей, крестный и крестная любили мою жену, как родную,
она же обожала их с раннего детства. И на меня отблеск той любви пал, и я был
согрет и обласкан в доме крестных. Однажды крестный протянул мне ружье и
торжественно сказал: "Владей! Оно тебе нужнее". Да уж ? к той поре мы дожили до
ручки в промерзающем по всем углам и щелям флигеле, жена простудила груди, и ей
сделали операцию, пропало молоко, и мы уморили и схоронили первого ребенка, и
второй ребенок, скоро народившийся, едва теплился... Поскольку вместе с ружьем мне
были отданы все принадлежности: много заряженных патронов и пустых гильз,
полторы пачки пороха, мешочек с дробью и пистонами, я немедленно отправился в
первый выходной на старую телефонку, потому как никакого другого леса не знал,
никаких иных путей по Уралу не ведал. За войну, когда люди истребляли друг друга
безо всякой пощады, природа, в первую очередь, российская, получила неожиданный
отдых, охотников не было. Налетчики, прежде всего самые оголтелые, городские, ?
живность не тревожили, и по лесам нашим, мало вырубленным, развелось много
зверя, птицы, и потому в первое послевоенное время не запрещалась весенняя охота

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru на птицу, в том числе и на боровую. Среди прочего ружейного прибора оказался и рябчинный манок. И вот, ничего-то в лесу не умеющий, очень плохо стреляющий, принялся я ходить на охоту, но, кроме рябчиков, ничего добывать не мог, да и рябчиков-то брал только потому, что их в лесу множество, а я научился довольно сносно пищать, подманивал их и лупил почти в упор, при этом терял подранков оттого, что патроны были снаряжены дымным порохом, заряды ослабли, пистоны давали осечки. Пожалуй, из той первоначальной поры запомнился мне более других один выход на охоту. Было это весной, и дожили мы с женой до того, что кончилась у нас картошка, даже семенная, пайки хлеба не хватало, и на охоте я оказался с узелком соли в объемном брезентовом мешке голубого цвета, который был выдан мне при демобилизации. К мешку добавлены были продовольственные талоны на десять дней и сто восемьдесят рублей денег? булка хлеба в ту пору на базаре стоила тысячу. Это все, что я заработал у родного государства и отца-генералиссимуса за три ранения, полученных на фронте, за голод и холод, за окопную работу, за все страхи, за кровь, за страдания. Мешок был бесхитростен и крепок, но ни одного на нем кармана, ни одной пряжки, зато объем, зато удавка? крепки. Первое время я бросал в мешок убитых птах, еще теплых, горбушка хлеба, отделенного из дома, пропитывалась кровью, облипала пером, но я все равно его съедал с большим аппетитом. Жена моя, вышедшая из семьи, где не было ни рыбаков, ни охотников, ни матерщинников, в первое время впадала в полную растерянность, в недоумение и ужас от того, что богоданный муж ее молодой уходит на целые сутки, чаще всего на воскресенье, в лес и явится или пропадет там, пойдя угадай, научилась теревить птицу, опаливать на огне и варить рябчиков. Не зря говорится в народе: "Нужда намучит, нужда и научит". Сшила она мне холщовые мешочки: под хлеб, под соль, под картошку и под дичь, а я подобрал на свалке жестяную трехлитровую банку из-под сгущенки и соорудил из нее котелок, хороший, кстати говоря, котелок, скороварный, легкий, сильно гнущийся, но и запросто, кулаком, распрямляющийся. И вот: в котелок мой засунута ложка, узелок с солью и пустые мешочки. Иду, в глазах, точнее? в глазу, потому как правый глаз изуродован на Днепровском плацдарме, и стреляю я с левого плеча, в глазу зрячем и незрячем? тоже? плавают радуги, слева яркая, справа поуже и почти бесцветная. Малокровие, авитаминоз по-научному, но надо идти, надо добывать еду. К обеду я подстрелил трех рябчиков и на какой-то горе присел на валежину? передохнуть, но встать не могу? обессилел. Однако я? фронтовик, недавняя окопная землеройка, имевшая последнюю военную профессию? полевого связиста, каторжнее и смертельней которой и не придумать, осилился, развел костерок, снял с двух рябчиков кожу вместе с пером, зачерпнул в ближней луже снеговой воды и стал терпеливо ждать вареве. Ах, как вкусно ударило паром из котелка, когда он закипел. Очевидно, я успел вздремнуть у костерка. Рябчики хорошо уварились. Я не рвал их зубами, я ел неторопливо, подсаливая мясо щепоткой соли, и запивал его почти что ароматным бульоном, в котором плавали две-три жиринки. Я не то, чтобы наелся, я ожил, силы во мне воскресились, искры из глаз сыпались реде и радуги исчезли. Рябчик? это дар Божий человеку, в первую голову таежному. Никогда не встречал я рябчика грустного, большого, в гнусе, во вшах. А ведь в чащобе живет птаха, выше вершин большого леса не взлетает, в детстве и зимой по опушкам кормится, в молодости любит по полянкам бегать, на просеки и прогалинки выскочить, в ягодниках пожировать, ловили его в прежние годы силками, возами возили в столицы Европы, у добытчиков-промысловиков купцы покупали по гривне серебром за пару, в Европы свозили по рублю за пару. По причине того, что рябчик вьет гнездо на земле и хоть искусно прячет, зоркие зверьки яйца и птенцов выедают; в лесу? ястреб-тетеревятник нападает. Чтобы не известись рябчиному роду, чтоб не быть ему переводу, кладки рябчиха делает большие? я встречал до одиннадцати яичек в гнезде. Много тепла такой кладке требуется. Повсеместно эгоистичные птенцы мужеского полу, прежде всех бабник-селезень, обязанностей родительских не исполняют, но петушок с рябчихой повсеместно делят заботу о потомстве. Когда самка отбежит покормиться, петушок, чтобы не остыли яйца, смилив мужскую гордыню, садится на гнездо. Дальше уже забота родительская о птенцах, быстрые ноги, стремительное крыло, редкая и для птиц способность прятаться и маскироваться? все-все за то, чтоб жил, велся, свистел и размножался житель таежных крепей? верная выручка арестанта и просто любителя пострелять пернатую дичь. Не раз, не два в жизни и я выручался таежной пищей и всегда поражался могуществу ее. Ну, откуда, от чего этот дивный вкус рябчиного мяса? Да еще и силу такую содержащий, ведь летом и осенью, если урожайный год, попитавшись ягодами, переходит он на ольховую сережку, на березовую почку, и хорошо, если поблизости речка с чернолесьем, когда поклюет мерзлой рябинки, черемушки ли пощиплет. А уж самые везучие, возле пашен уродившиеся, в овсы с опушки выбегут, мителочки пошелушат, зернышками зоб набьют. И эта, считай что "Божьим духом" питающаяся птаха, резва, весела, такая приспособленная к лесообитанию, такая

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru необходимая в таежном деле. Скольким людям спасла жизнь эта, по всем российским лесам обитающая, птаха! И мне, и моей семье, и моей стране, она, можно сказать, также жизнь сохранила. По мере распространения лесозаготовок по многострадальному Уралу, расширения электросетей, телефонных линий, железных дорог и арестантских лагерей отступила тайга к склонам хребта. Но вот и на хребте зазвенели пилы, застучали топоры, застонали деревья. В первые послевоенные годы я бродил в окрестностях города, чаще по привычной старой телефонке, которая осенней порой была похожа на праздничную улицу. Выкошенная летом, к осени свежо зеленеющая отавой, она по ту и по другую стороны, ровно бы украшена была красными полотнищами и флагами, по низу? кустарники краснотала, волчатника, дикой акации, ивы, калины, повыше? черемшаник, вербач, ольха, еще выше,? сплошь здесь растущая рябина, и дальше, еще выше,? уж смешанный лес, в котором по взгорьям темнел густой ельник в смеси с пихтачом; и как-то независимо, стройно, чаще всего борами росли сосняки. По склонам же гор шумели, радовались себе и радовали подлунный мир пестрые березняки и осенями ярко полыхали осинники. До них пока еще не добрался беспощадный топор лесосека и вс? и вся сминающий трелевочный трактор. Зная по телефонке все гривы, все ложки и ягодные полянки, ключики и ручьи, где соответственно времени и погоде велись выводки рябчиков, я без особого труда добывал за выход штук восемь-десять рябчиков. Но с каждым сезоном рябок становился остроней, реже, ходить за ним надо было дальше и дальше, спускаться по склонам и распадкам в речки, иногда, если удавалось уехать на поезде или уйти из дому в субботу, пораньше, доводилось и ночевать у костерка, чтобы утречком, когда рябчик охотней, чем на вечерней заре, отзывается и идет на манок, заняться охотой. Рябчик, кстати, большой лежебока и ранним утром не вылетает на кормежку и не учует парочку до тех пор, пока хорошо не ободняет. Самый, пожалуй, неспокойный, сварливый обитатель наших лесов? это дрозд. Он трещит до позднего часа, а если чем обеспокоится, и ночью затрещит, и утром, только отбелится небосвод и рассвет начнет сеяться по лесу, он уже перелетает с дерева на дерево, с куста на куст? кормится и трещит, трещит. Однажды осенью я увидел человека, спускающегося под гору по телефонке. Он останавливался у каждого уцелевшего столба и палил вверх из ружья двенадцатого калибра, и скоро я убедился, что он расстреливает последние, уцелевшие на столбах фарфоровые изоляторы-стаканы. Сидючи на пеньке среди просеки, я дождался стрелка, и он объяснил мне, что прошел телефонку "скрозь" и никого не только не подстрелил, даже в глаза не видел, так что ж ему теперь, патроны домой нести? Я попросил парня не палить хотя бы в дятлов и воронов и потопал дальше, до Узких, все время держа пищик в губах и работая им. Реденько из глубы леса робко и одиноко отзывался рябчик, но не летел на пищик, а начинал окружать меня, стало быть, бегать в отдалении "по полу". Чтобы подманить его и при этом остаться незамеченным, надо было потратить много времени, у меня его в тот день не было, и первый раз я дошел до Узких без единого выстрела. Навстречу мне попалось до десятка охотников, ругательски ругающих телефонку и дающих слово, что более они сюда "ни ногой". Но и в других местах? а обходил я и объездил Западный Урал уже достаточно широко, птицы становилось все меньше, зато ширились, набирали ход лесозаготовки и по телефонке началась прокладка дороги на север Пермской области, все за тем же лесом гналась индустрия, опустошая российские просторы. В эти годы случилась трагедия уральского кедра, растущего, в основном, по самому хребту Урала и по западным его склонам. Две с лишним тысячи лет, как доказывала наука, потребовалось для того, чтобы сибирский кедр сложными путями переселился из Сибири на Урал, и всего несколько лет, чтобы передовые советские трудящиеся героически истребили его. Поначалу лесозаготовители тихо хитрили и, якобы не отличая кедр от сосны, с хвойными породами вываливали его. Но вот сознательная общественность поднялась на защиту кедра, и звонкий голос молодого писателя, то есть мой, звучал возмущенно на страницах прессы, на всевозможных научных конференциях, собраниях и совещаниях, но все это возмущение, весь пыл патриотизма нашего оказался бесполезным и, что особенно горько сознавать... вредным. Дело в том, что Уральские горы? "старые горы", скалистых обломов, утесов и всяких останцев, которыми надлежит любоваться на среднем Урале или в наших родных Саянах, довольно мало, горы здесь покрыты неглубоким почвенным слоем, который и дал жизнь лесу, но у леса того, стало быть, и у кедра тоже? корни "стелющиеся". Лес на хребте Урала может стоять и расти только "семейно", ограждая друг друга от повальных ветров и бурь, лес выживал, хотя и падало его много. Ходить по хребту, заваленному валежником, мог только лось и беглый арестант, трогать, заготавливать лес на хребте было большим государственным преступлением, но коли государство в основе своей преступно, что ему еще одно какое-то преступление, тем паче, что и вели лесозаготовки на хребте большей частью обитатели сталинских лагерей и не все же там отбывали срок по напрасному обвинению. Лес вываливали, плавили по рекам, топили, волокли по болотистому хребту трактора, по кабину в грязи? дело в том,

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru что нижний, почвенный слой лежал на "луде", значит, на камне. Время, столетия, постепенно его разрушая превращали камень в крошку, в дресву, в песок и в саму почву. Кедр, защищенные, отбитые патриотами природы, оставляемые лесозаготовителями, стояли здесь до первого большого ветра, затем происходил сплошной ветровал и "дело с лесом" заканчивали пожары. Так получалось, и до сих пор у нас получается: хотим как лучше, а выходит как всегда. Этой поговорки я у Даля не встречал, значит, наших времен поговорка, временем нашим закономерно рождена. Чусовские охотники, побив птицу в окрестных лесах, начали проникать в глубь Урала, аж до самого хребта, по речкам, с помощью самими же изобретенного моторчика-весла, он громко пырхал, тихо вел лодку, но зато ни перекаатов, ни шиверов, ни порогов не признавал. Тут и заводской, подвесной мотор приспел и, на горе русской природе, начал совершенствоваться, набирать мощи и скорости, дошел до машинки под названием "вихрь", который дал всплеск такого широкого и беспощадного браконьерства, что застонала русская земля, заплакали реки и дубравы наши. Я не имел ни лодки, ни мотора, потому как из техники владею только электрическим выключателем, который работает сверху-вниз или влево-вправо. Еще похаживал я в разбитые, опустошенные пригородные леса, приносил пару рябчиков, но и пустой начал возвращаться домой, сделав в воскресенье километров двадцать-тридцать по лесу и по вырубкам и новым просекам. Нечаянно открыл охоту под самым городом; за вильвенским железнодорожным мостом были поля подсобного хозяйства металлургического завода и вокруг них, по болотным зарослям развелись табуны тетеревов! Это тоже загадочное явление нашей жизни. Все в окрестных лесах повыбито, расстреляно, разогнано, имея охотничий азарт и много припасу, молодые охотники остервенело расстреливали стаканы на столбах, хлестали канюков, кружащих по полям, лупили во все, что шевелится. А в двух километрах от города вечерней порой, низко стелясь над перелесками, крадучись вылетают в поля тетеревиные выводки и, весело почирикая, бегают по овсам и теребят их. Я соорудил в конце дальнего поля шалашик и стал хаживать в него; за вечер, бывало, подстрелю парочку косачей или тетерку и доволен собой и своей смекалкой. Да недолго "улыбалась мне удача" ? или мои скромные выстрелы были услышаны, или работяги с подсобного хозяйства растрепались, но нагрянули в поля шайки охотников, натренированных в стендовой стрельбе, что били влет хоть бутылку, хоть кепку, вальдшнепа, мелькнувшего меж дерев, болотного ль стремительного бекаса, бурундука, любопытную молодую белку без лишних раздумий валили в одно мгновение. Открылась канонада, и, набирая размах, раздавалась она до самой зимней поры. Удачные стрелки за вечер выбивали до десятка птиц каждый, и когда на следующую осень я завернул на поля подсобного хозяйства, то увидел вдали, на вершине осинки, одинокую тетерку. Она, приподнявшись на лапах, вытянув шею, весь вечер глядела на поле с овсом, но слететь в него так и не решилась. Еще мне доводилось провести отпуск в Узких или в глухой деревушке на реке Чусовой, отыскать не подчистую выбитые выводки рябчиков, хотя птица везде, даже где люди появлялись нечасто, сделалась осторожной, ловкой и недоверчивой. Еще забирался я в глубь лесов с кем-нибудь из "омоторенных" охотников и рыбаков, но к охоте я стал терять интерес, потому что привык по лесу бродить в одиночестве, поступать как мне хочется, стеснялся я моей неумелой стрельбы с левого плеча, "на три метра с пробегом", как говаривал мой покойный дед. К этой поре я уже начал сочинительствовать, выпустил первую книжку, работал в редакции местной газеты, где один опытный охотник, стрелявший на стенде и ежедневно, вместо физзарядки, упражнявшийся с ружьем, свел меня на местный "охотничий ток", что приютился на детской технической станции, где по вечерам собирались местные, природой одержимые мужики, играли в шахматы, в бильярд, но главное ? трепались о походах по лесу, об охоте, рыбалке, и здесь же мастера-преподаватели, которым не составило бы труда и блоху подковать, начали делать из спортивных бамбуковых шестов удочки под загадочно звучащим названием ? "спиннинг", а также катушки к нему и блесны. Катушка, которой я пользуюсь до сих пор, у меня "чусовская" и несколько блесен есть, а тогда, до появления спиннингов в продаже, это была такая редкость, что на реке зеваки собирались толпами ? посмотреть на невиданную диковину. Однажды в город привезли из Венгрии ружья, и редакционный охотник посоветовал мне купить новое ружье, так как "тулке" крестного я дал такие нагрузки за прошедшие годы, что она хоть и держала вид и бой, но выглядела уже старушкой, пусть и заслуженной. Новое ружье знаменитой немецкой марки "Зимсон", корпорация которой имела отделения во многих странах Европы и снова начала выпуск своей продукции в том числе и в Венгрии, было бескурковое, легкое, с ореховым ложем, конечно же, с отводом для правого плеча. Но мне приходилось с этим мириться ? я хоть с левого, хоть с правого плеча стрелял худо, особенно по двигающейся цели, и по-прежнему болел болезнью старовременных охотников: жалел припас, оттого и не пристрелял новое ружье, а снарядил патроны согласно инструкции уже бездымным порохом и отправился ? от газеты "Чусовской рабочий",

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru где я "вел", в основном, лес и транспорт, ? в леспромхоз на реку Койву. Вместе с Вильвой и Усьвой она начинается на Бассегах ? так называется одно из самых красивейших мест на Западном Урале, и я уже написал и напечатал очерк об этой троице, назвав его: "Реки-сестры". Сестры ? Вильва и Усьва ? текли вместе, порою почти соединялись, но норовистая Койва, только начавшись, отворачивала в сторону, текла и жила отдельно и впадала в ту же речку Чусовую, но километрах в шестидесяти выше Чусового. На беду этой реки и горемычного Урала, на Койве найдены были алмазы, золото и вроде еще что-то. Саму Койву и многие притоки ее варварски уничтожили мощными драгами. Из поселка Кусья, стоящего в устье речки Кусьинки, впадающей в Койву, я вышел рано поутру и направился пешком на лесоучасток, верст за пятнадцать. Наступил октябрь, и после бабьего лета, которое часто бывает на Урале лучезарным, ярким, одаривает людей и теплом, и ягодами, и грибами, природа хмурилась, грузные, туго набитые и налитые, осенние тучи, опускались все ниже, ниже и вот пробно коснулись мутной воды Койвы сперва хлесткой полоской дождя, потом белой завесью липкого снега. Я поднял башлык дождевика и прибавил шаг. Но заряд снега оказался краток. Внезапно тучи, подхваченные бурной рекой, покатались вниз, и унесло их не то течением, не то резво хлестнувшим и тут же виновато притухшим ветром за отвесные скалистые берега Койвы, к темнеющему вдаль горному перевалу. Солнце, умытое, начищенное снегом, что медный таз, мелькнув раз-другой в прорехах туч, обозначилось во всей красе, во всем сиянии и вроде как вместе со мною и всем Божьим миром, недоумевало: как же так случилось, что меня, такого славного, всеми желаемого, утреннего гостя, кто-то посмел затмить, взять в полон? Неправильно это, не должно так быть! Надо заметить, что я уж заметно расписался, выпустил несколько тоненьких книжонок в областном издательстве и начал выбиваться за городьбу литературы убогого областного уровня. У меня намечался выход первой книги в Москве. Поскольку в редакции голова моя до маковки была забита газетными делами, а вечером ? домашними заботами, для писания и чтения мне оставалась ночь. В избушке на окраине города, которую я начал строить и никак достроить не мог ? из-за отсутствия материалов, ночами я скрипел пером, и кто-нибудь нет-нет и усмехался: "Бездельничает. Семью морит. Ружье вот новое купил!" Но ружье все еще маленько кормило семью, ребятишки теребили рябчиное мясо, мы ? я и жена да нянька ? хлебали ароматную жижицу и обглаживали после детей оставшиеся косточки. В той тесной, не совсем достроенной избушке сидел я за столом, сочинительствовал, однако подумать и пописать вволю то, что мне хотелось и как хотелось, я мог только мысленно ? на охоте. Бродил по лесам и горам чаще один и сочинительствовал и при моей-то замедленной реакции стрелял во взлетающую птицу, хлопаньем крыл меня напугавшую, ? на километр сзади, либо на двести метров спереди. Почти все ранние сюжеты рассказов, затем и повестей "выходил" я в лесу, на охоте, а что меньше живых душ погубил, значит, так было Богу угодно. На рыбалке я совсем не умею отвлекаться, только бы клюнуло ? никаких больше мыслей и желаний в башке нет. Словом, иду я по окошенным, изумрудно сияющим берегам Койвы, любуюсь зеленью отавы, полянами, на которых, подбоченясь, бодрятся ладно сметанные стожки сена, и на каждой жердине, торчащей из стога, непременно сидит нахохленный, мрачно действительность воспринимающий коршун. При приближении моем он молча снимается с жерди, низко стелясь над берегом, гонит перед собой валом перекатывающиеся табуны дроздов и всякой иной мелкой птахи, еще не отлетевшей на юг, и стайки жирующих перед зимою здешних птиц. Рябины, калины, черемухи, всякой ягоды в тот год уродилось много, птицы сыты, гладки и резвы. А был год совсем недавний, когда мы шли с напарником по берегу этой же Койвы, и он усыпан был птичьими трупиками, слабые, недооперившиеся дроздята коротко перелетали перед нами либо с жалобным писком прятались в камнях и корягах. Мы собирали пташек, засовывали под телогрейки, и они, поцарапавшись в грудь, затихали, согрившись, но как их ни грей, ни привечай ? они обречены ? бескормица. А когда осень в спелой поре, когда в лесу всего много и всем живется хорошо, то и душу человека посещает покой и умиротворение. Я вот иду и думаю, что урожай на овощи нынче хорош, и картошку в огороде и на загородном участке выкопали мы в сухую погоду, а картошка ? главный всдержитель и спаситель нашей семьи, и нашей ли только ? всей России, всего честного российского народа... И-и, шик над моей головой! Низко и многокрыло прошелестело что-то, пока от мыслей о картошке и прочем другом я опомнился и огляделся ? стая уток уже заворачивала за мыс реки. И конечно, по привычке охотника-одиночки, которого никто не слышит и, значит, не видит, начал я себя громко ругать, даже по фуражке кулаком стукнул, как вижу ? с верховьев реки движется на меня другая стая уток, а за нею третья. Ну, тут уж я ружье с плеча сорвал, в осоку присел, и, когда, узрев охотника, утки всем отрядом стали "стенкой", чтобы облететь меня, дал я в самую середку сбившегося в кучу табуна дуплет, и, как обычно, ни-и-ичего, никакого урона в птичьем содружестве! Лихорадочно, срывая кожу на пальцах, перезаряжаю ружье и успеваю дуплетом

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
ударить во след летящему табуна, и с отчаянием, с горем, почти со слезами провожаю я уток взглядом, как вдруг вижу из табуна камнем вниз, на воду падает утка, за нею другая. В чем был, ударился я вдогон, ринулся в реку и выловил на перекате парочку серух, когда огляделся ? увидел в камешках застрявшую птаху ? чирка, ниже переката, по плесу несло еще одного чирка и унесло на моих глазах. Но я был счастлив и рад ? трех уток добыл! Однако ж и воды сапогами хлебнул, не успев на ходу ? на бегу раскатать голенища, ? надо сушиться. На сплавных реках и по лесам нашим дров столько, что можно ими все человечество обогреть и обсушить. Сижу я на берегу, возле коряжины, у костерка ? портянки и штаны сушу ? решаю в честь охотничьей удачи не только водочки глоток-другой выпить, но и перекусить. Полная фляжка у меня с собой, в осенний октябрьский лес ведь направлялся, и хоть дома не потреблял зелья ? не на что и некогда было, ? в поход меня снаряжая, жена на всякий случай выливала во фляжку бутылку водки, благо стоила она тогда недорого. Выпил я из кружечки, ножиком из банки тушенки подцепил и тут только заметил, точнее, ощутил волну холода, хлынувшую по реке. Его гнала впереди себя все заслоняющая, весь пейзаж и солнце с неба стирающая, черная, пороховыми взрывами клубящаяся тучища. От тучи той стремительно удирал табун уток, а за ним другой, третий. Туча не то, чтобы настигала их, она, расширяясь, полнея, накрывала все вокруг, и, когда меня вместе с костерком моим начала осыпать белой дробью ледяная крупа, в речную залуку, возле которой я разбил свой нехитрый стан, плюхнулся табун уток ? нарядных связей, а к другому берегу сыпались табуны шилохвосты, серух. Я даже не прятался, не подкрадывался, прямо от костра ударил в сбившийся в кучу табун и выбил трех уток, за одним подранком, правда, пришлось бежать и в воду забредать. Когда я бежал, разбрызгивая воду по отмели, навстречу мне взмыла плотная утиная стая, и я дважды выстрелил в нее дуэтом. И эта туча прошла так же стремительно, как и накатила. Костерок мой притух, портянки с бревешка я не успел снять, штаны надел сырые, сапоги надернул на босую ногу и перебрел по перекату на другую сторону реки, где, показалось мне, в осоке прятался подранок. Он утих в обкошенных кочках. Что-то подсказывало мне походить по берегу, посмотреть, и я нашел еще пару уток, крупных уток ? шилохвостей. Пока я бродил туда-сюда, пока собирал подстреленных уток, грянул еще один снежный заряд, за ним другой, и потом, с короткими перерывами, несло, тащило тяжелые тучи, хлестало снегом и дождем, на какие-то минуты выпутывалось из лохмотьев туч очумелое солнце, болезненно ярко выплескивалось оно в прорехи поседело клубящихся по краям туч, и тут же его заслоняло, запиховало, укутывало в грозное, черной сажеей покрытое небо, и тогда накатывала темень, вместе с нею ошарашенность и недоумение, да полно, были ли они ? небо, солнце, свет?! Вместе с низкими тучами, с клубами снега и полосами хлещущего дождя, над самой водой и берегом шла утка ? табун за табуном, стая за стаей, ? вот повалила и северная утка, на убой крепкая. Прямо от кисло тлеющего костерка, без всякого уже азарта, вяло выстрелил я еще несколько раз и решил посчитать патроны ? их осталось восемь штук. Место глухое, я один, надо и опомниться, побережься, ведь совсем недавно, года два назад, со мной случилась беда, и спасла меня тогда тоже охота и ружье, еще то ружье, "тулка" крестного. Нежданно-негаданно, в мирные дни, в спокойные годы, которые, может быть, и были где-то спокойны, только не в промышленно-перенаселенном Урале, не в Сибири, не на Дальнем Востоке, получил я самый большой гонорар за газетные труды ? нож в спину. Проникающее ранение легкого вызвало тяжкую эмфизему, и я отдавал уже Богу душу, но мой дружок по рыбалке, местный доктор, да и жена моя совсем еще молодая; двое детишек детсадовского возраста не захотели никуда меня, только что выпустившего свою первую книжку, отпускать, да и я был еще крепок духом, горел желанием осчастливить мир своим пером, не пожелал сдаваться смерти и, как только чуть мне полегчало, собрался в лес. Жена со слезами и отчаянием умоляла меня никуда не ходить, уверяя, что совсем еще, совсем я слаб, да и лекари не велели перетруждаться. И тогда я сказал жене, из-за меня вечно страдающей, что если не смогу подняться в гору ? вернусь и уж больше никогда и никуда с ружьем не пойду. В эту пору мы уже жили на улице нагорной, променяв свою дорогую избушку, которая снится мне до сих пор, на избу настоящую, более просторную, где у меня за деревянной заборкой появилась почти отдельная комната, почтительно именуемая кабинетом. Гора со Светлым ключом в разложье начиналась прямо от порога, и по ее полоному склону, хорошо и точно в Сибири называемом "тянигусом", я, бывало, рано поутру взлетал за какие-то минуты, согревался, сгонял сон. А в этот раз я поднимался в "тянигус" почти час и отдыхал двадцать один раз. Одолев гору, на горбине ее остановился, присел на траву и почувствовал слезы на лице. В следующий поход, я отдыхал на подъеме только восемнадцать раз, потом пятнадцать, потом десять, и, когда достиг того, что поднялся на гору без остановок, не заплакал, нет, я при всем моем благоговейном отношении к "припасу" высадил заряд в воздух, подбросил вверх фуражку. И сейчас вон каким козликом носился по

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru берегам Койвы, в воду по грудь забредал, подбирая уток, ? силен еще бродяга, но хоть и герой и удалец-молодец, надо возвращаться в Кусью, лезть на русскую печку ? иначе воспаление легких, а оно мне ни к чему, легкие и без того, опять же по-сибирски точно, ? "хредят". Шел я быстро, кажется, согреться начал, как догнала меня леспромхозовская полуторка и уже затемно довезла до поселка. Ехал я в кузове, так как в кабине везли в больницу с лесоучастка женщину и ребенка. У меня уж зуб на зуб не попадал, когда я добрался до Кусьи, но печь русская в доме гостеприимной хозяйки оказалась и в самом деле горяча, щи в загнете каленые, и, выпив со мною рюмочку, заботливая женщина еще и натерла мне спину, укутала меня старой шалью, и, слава Богу, на этот раз все обошлось без воспалений, которые потом замучили и мучают меня до сих пор так, что нынче, ежели я еду в тайгу, то непременно туда, где есть охотничья избушка, желательна сухая, с невыбитыми окнами, с доброй железной печкой. Я столь подробно написал об нечаянной удачной охоте на уток, о том "безумном дне" на реке Койве, потому что более так не отводил душу в стрельбе, не добывал столько дичи, хотя бывал в разных местах по Уралу, в Сибири и Вологодчине, и такие зорьки в лесу проводил, что за всю жизнь мне их не описать. Опытный редакционный охотник, услышав мой рассказ о походе на Койву, велел мне взять ружье, патронташ и идти на берег ? пристреливать ружье. О, как стонало мое сердце, когда мы лупили в банки из-под консервов, в старое ведро, в мишени, карандашом нарисованные, и "зазря" жгли заряды. Охотник одобрил ружье, но подсказал мне ? на два, а то и на три грамма убавить заряд пороха, если на рябка ? заряжать дробью помельче. И дело пошло лучше, ружье било не "наскрозь", а как полагается ружью; "рон", по-охотничьей словесности, имело верный, за подранками я бегал уж только тогда, когда бездымный порох слабел, перележав положенные сроки. Выбросить патроны, сжечь в печке старый порох было мне не по силам ? память детства, внушенные в раннем возрасте привычки, правила, обычаи, причуды ? они основа нашей жизни, морали нашей, умения или неумения жить, трудиться, уважать людей, да если эти основы крепко в тебя вбиты. После учебы в Москве на Высших литературных курсах предстояло моей семье расстаться с городом Чусовым, дымным, грязным, шибко пьющим, но богатым добрыми, отзывчивыми людьми, верными артельщиками в тайге и на реке. За восемнадцать лет, прожитых в том городке, не было случая, чтобы меня, попавшего в переплет в тайге, или товарища моего, вечно мучающегося с лодочным мотором, оставили без помощи, бросили. Наматерят чусовляне, наругают власть, но мотор наладить поспособят, если не налаживается, "конец дадут" и на поводке домой привезут. Да и ребятишки мои "очусовелые" здесь выросли, одно дитя рядом с родителями жены, великими тружениками земли российской, на кладбище лежит; молодость изжита в этом же городе, первые рассказы здесь написаны и опубликованы, каждый житель города в лицо знаком, полно товарищей по работам разным, полно корешей-охотников и рыбаков, однако далее жить в замурзанной провинции нельзя, если не остался в столице творить, то хотя бы к областной культуре, к творческому Союзу, к издательству, к театрам, к музыке, к библиотекам придвинуться следовало поближе. Я знаю несколько наиодареннейших писателей, застрявших в глуши российской, беспробудной и окаменелой. Они там, всеми брошенные, местными властями презираемые, постепенно засохли, обесточились, смиряясь со своей безрадостной судьбой. Трудновато отрывались мы от Чусовских берегов. Труднее всех расставалась с родным городом жена. Но Пермь от Чусового всего в нескольких часах езды на электричке, да и не в пустыню едем, писателей, журналистов, издателей, некоторых артистов лично знаем, жилье ? трехкомнатную хрущевку, сданную без света, без воды, без газа, дружной артелью обжили. Спальня наша с женою, она же и кабинет, новые стеллажи с книгами, картинки, на новоселье подаренные, висят, лампочки горят, на столе у меня "статуя-бюст" любимого поэта Некрасова стоит, за стенкой, которую можно кулаком прошибить, музыка от темна до темна звучит. Там за стенкой молодое дарование готовится поступать в консерваторию и играет "Аппассионату" Бетховена, что-то Рахманинова и Грига. С удовольствием слушаю бесплатный концерт, иногда с женой ходим в гости, но чаще один ? мастерские художников обживаю, на хоккей хожу, на собрания, на творческие совещания, на выставки разные... даже на открытие библиотеки позвали, в обком ? "на дружеские беседы" иной раз приглашают. Жизнь бьет ключом, культурная среда, общение с интересными людьми, треп по поводу литературы и искусства ширятся. Так прошла зима. Весной хватился: ничего почти не написал, начатая "Кража" ? повесть ? запылелась, бумага пожелтела. Повесть давалась мне надсадно, писать ее приходилось с мучением. А поговорить об этом деле, о творчестве ? стало быть, бутылек при этом раздавить под громкий говор, хохот, утопая в табачном дыму, ? такое ли приятное занятие. Иные друзья-товарищи, со мной и до меня вступавшие в литературу, уж лет по десять так вот "интересно" проводят время, общаются, кипят в творческой среде, перед читателями красуются, выступают ? и забыли дорогу к столу. А у меня и оправдание есть, детки в резвый возраст вошли ? их у нас трое

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
? еще племянник жены растет в семье и так же, как мои дочь и сын, учится шалаяй-валяй; музыку детки во всю мощь заводят, кавалеры и кавалерши ознакомились. Мешают детки, мешает пианист за стеной, он или лучше играл осенью, или заигрался. Мать студента сказывала: даже брюшки пальцев у него распухли, уже и буреносный Бетховен, и светлый Григ и, тем более, мрачный Рахманинов, ? кроме раздражения никаких других эмоций во мне не вызывали; и однажды я сказал жене: "Пойду и прикончу этого шульберта!" ? пить поменьше надо и работать пора приниматься, ? урезонила меня жена. Стро-огая жена! Но, в общем-то, работать в городе даже мне, ни к какому комфорту не приученному, было невозможно, и начал я искать, и нашел с помощью главного редактора областного издательства, и купил избушку "за морем", за Камским водохранилищем, значит. Зброшенная, от электричества "отцепленная", все блага цивилизации утратившая деревушка Быковка, стоявшая на одноименной речке, окружена была вырубками и несколькими совхозными полями, в речке велся и хорошо клевал хариус, по большой воде заходила в речку и другая мелкая рыба. Я поступил и на этот раз так же, как поступал и до этого в незнакомых местах: взял вещмешок с харчами, топорик, ружье и ушел в глубь разгромленного, очень трудно оживающего лесного материка. Заблудился, конечно, да сам и "разблудился", потому как космически-кошмарный материк, образованный лесозаготовителями, страдававшими здесь до войны и всю почти войну, рассекаем был несколькими веселыми речками, впадавшими в Быковку. Сама же Быковка впадала тогда в реку Сылву, но, подпертая водохранилищем, гнила теперь в устье грязной, сорной лужи ? рукотворного моря. Здесь прокисало и прело обширное сооружение из бревен, называемое сплавным рейдом. Ну, а раз есть речки, никакой бродяга, тем более охотник, пушай и такой аховый, как я, тем паче привыкший ходить по уремам и весаям и бороться со стихиями в одиночку, в русском-то лесу не заблудится насовсем. В лесу! А не на вырубках, где все вверх дном перевернуто, где масса лесовозных волоков, кончающихся тупиками. Но по этим вырубкам, слава Богу, еще косили сено, на волоках, на хилых полянках, где нет пней и кореньев; и я в конце концов нащупал свежий след трактора да тележную колею, проложенные сенокосниками. Однако ж ночевать мне пришлось среди вырубков, на которых кое-где, чаще в ложках и кустами заросших оврагах, сиротливо жались друг к дружке окруженные разгромленной природой выводки лесин, как мне потом объяснили хозяева тех окрестностей: "Оставленные на семена". Но скоро они посохнут, которые уцелеют, те лесозаготовители дорубят, дождут и оголят истоки речек, горные ключи и ключики ? хозяйевать так уж хозяйевать, до победного конца, чтоб яснее было видно сияние вершин коммунизма. Наслышанный о том, что хлам этот, кладбище это лесное, безбрежное засорено клещом, я оделся "противоэнцефалитно" и днем, снявши со штормовки нескольких клещей, не решился ночевать возле ключа, в лесном опечке, облюбовал стожок, возле которого светлела весенняя лужа, развел огонь, сварил чаю, поужинал, залез в сенную нору и мгновенно уснул. Проснулся я от всемирного грая, свиста, чулюканья, чириканья, жужжанья, карканья, разноголосого пения ? казалось, небо качалось от весеннего птичьего восторга, и земля раскачивалась вместе со своим веселым малым населением, благодарно подбрасывала его вверх за то, что оно украшало, радовало ее и никогда не ранило, не убивало, как эта двуногая тварь под названием человек, называющая себя ? хомосапиенс, а по делу-то ? хам, дикарь, разбойник, грабящий природу-мать и, стало быть, убивающий себя заодно, только природа-то выживает, поднимается с колен, а исчадие это сойдет на нет, исчезнет, растворится, развеется пылью в бесконечности мироздания, как выродок вселенной, самое худшее творение ее. Такие вот мысли еще вчера угнетали мою контуженную башку, а сейчас я сидел на пеньке возле стога, держа на коленях ружье, и вокруг меня исходил ликованием весенний мир, и я ликовал и радовался тому, что не убит, не истреблен до конца мир этот Божий и творения Его ? оттесненные, загнанные в глушь вырубков, непролазного лесного кладбища, где было в изобилии корму, ягод малины, калины, рябинника, и в гнили ? тучи козявок, жуков, червячков, тли и бабочек, ? птицы тут женились, плодились, танцевали, пели ? этакая нечаянная, негаданная кладбищенская свобода, избавление от машин и людей. Меж пней и выворотней, обросших кипреем и малинником, яростно шипели и подпрыгивали косачи; над поляной до солнца тянули вальдшнепы, стригли крыльями вьсь жужжащие бекасы, кулики и плишки бегали вокруг луж, в ложке возле ключа, в реденьках живых лесах все утро свистели рябчики. Я сидел, блаженно улыбаясь, отмякнув нутром, и ни в кого не стрелял ? не хотелось мне оглушать громом выстрела этот весенний песенный праздник, это златокудрое солнечное утро. Освоение лесопорубленного материка при слиянии рек Чусовой и Сылвы заняло несколько лет. Пара товарищей моих частенько ко мне приезжала ? пострелять и порыбачить. У одного был спаниель Арс. Старый уже, усталый пес, но, как и всякая тварь аристократического рода, наделенный неиссякаемой сексуальностью. В одном из последних пометов оказался кудрявенький, черненький щенок ? его и приволок мне в подарок товарищ мой по литературе и по походам в

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
лес. Почти всю первую пермскую зиму новорожденный, получивший имя Спирька, провел в городской квартире и за это время научился за сладости, лакомые подачи давать голос, протягивать лапу всем, кто его об этом просил, опрокидывался на спину, чтоб сытое его пузцо почесали и похлопали. Детки мои преподали Спирьке полный курс поведения советского придурка и поначалу чуть не дрались в узком коридоре хрущевки за право погулять с собачонкой, а после ? ругались и препирались из-за того, чтобы избавиться от этой доуки. Суждено было Спирьке прожить свои годы в деревенском приволье, исходить следом за мной всю округу, насладиться природой и охотой ? дичью для него было все летающее и бегающее, от воробья до лося и медведя. Страха он не знал, злобы не ведал, и одно горе горькое терзало его: когда мы уезжали из деревушки, на него надевали ошейник и за поводок уводили к бабушке Даше, жившей за речкой. Спирька не скулил, он рыдал на всю округу, каково же было его счастье, когда, от утра до ночи глядящий на бугор, где стояла наша изба, замечал он над нею дымок и его спускали с привязи. С криком ворвавшись в избу, он полз, жалобно скуля, от порога в кухню, к печке, к нам, оставляя мокрый пунктир за собою. На охоте он знал одну страсть: выследить и отогнать от охотника всякую птицу, всякого зверя, и если я шел "на рябчика" и не брал его с собой, он опять же плакал на всю округу. Случалось, изгрызал, проламывал дверку конуры и настигал меня в лесу, найдя подранка, он давил его и не раз являлся ко мне с пухом на рыле, совал лапу, теребя в награду кусочек сахара, сушку, печенюшку, пряник. Сексуальностью Спирька удался в папу Арса, и много раз, горько плача, являлся он из соседней деревни или со сплавного рейда на трех лапах, с искусанными ушами и разбитым сердцем. У меня и до Спирьки, и после него, а прожил он двенадцать лет, бывали собаки, в основном лайки, но Спирька ? статья особая в памяти семьи и в моей памяти. Давно я собираюсь написать повесть для детей об этом чудесном, легендами овеянном, преданнейшем существе, за Быковкой речкой, на косогоре, под елью покоящемся, и, однако, скоро напишу. В эти годы съездил я на Южный Урал в гости к фронтовому другу. Когда-то во время боя довелось помогать ему, раненому, и он давно, сразу после войны, нашел меня, писал мне и звал в гости. Был он неплохим охотником, ездил на вблизи расположенные казахстанские озера ? "на гуся", и не только на перелетного. Он знал толк в ружьях и подарил мне старый, сорок седьмого года выпуска "Зимсон" с уже нашим, из березового корня или свива, сделанным ложем. Прекрасное ружье, мало изношенное, прикладистое, тем более из рук друга-фронтовика, а это все равно, что от брата полученное, пришлось оно в пору, я начал брать его с собой чаще, чем тот "Зимсон", который купил несколько лет назад, и терпеливо служил мне кормильцем, защитой, другом и спутником моим был. Все чаще венгерский "Зимсон" попадал в руки моих гостей из творческой интеллигенции, много всего знающей и мало чего толком в жизни и в лесу понимающей. Для ружья это была беда, но еще не совсем губительная. Подросли детки мои, товарищей заимели, дорогое мое ружье стало попадать в руки этих шалопаев. Однажды принесли ружье из лесу в беремени ? обычная история: подшибли ястребка, бросились к нему, а он шипит, клювом и когтями жизнь обороняет, значит, добывать надо прикладом. Стукнули в птицу, попали оземь ? шейка орехового приклада переломилась. Ружье налаживали, чинили. После окончания техникума, уехавши в уссурийскую тайгу, племянник взял его с собою. Возвратился без ружья ? или доконал строитель-герой современности памятное мне ружье, или пропил. "Ружье и бабу никому не доверяй!" ? повторяли мне когда-то часто мои покойные отец и славный дед, который в отличие от деда опереточного, не дожил и до пятидесяти пяти лет. Да вот забыл я в то время грубо изреченную мудрость и поплатился за это не раз и не два. Зато теперь я точно знаю: есть "душа вещей", душа странная, бескровная вроде бы, но с обидчивой памятью. Особенно ранимая, привязчивая, измены не прощающая душа вещей, надобных в тайге. Вещи эти, помогающие человеку жить, работать, иногда спасающие его жизнь, прилипают к человеку,растают с ним, как братние стволы у дерева. Вот отчего опытные охотники неохотно меняют свои вещи ? до обуха изрубленные топорышки, ножи и бритвы, до кромки источенные, ружья чиненные-перечиненные. Суеверие таежного человека зародилось вместе с ним, несмотря на воинствующий атеизм, в корне своем оно не изменилось, и если охотник уверяет вас в том, что топорышко его "ишло из той, старинной стали, которая не крошится на морозе и не мнется на точиле", ? а ножик и бритва "ишло дедовы, отменную востроту держат, режут и бреют неслышно", ? это правда, да не вся ? боязно, до страха боязно утратить к руке приросшую вещь, и если она теряется ? охотник иль рыбак начинает ждать беду и часто беда настигает его. Если вам доведется ходить в тайгу с бывалым человеком и он, утопив старое, невзрачное ружье иль захудалый с виду топорышко готов ковшем вычерпать реку иль, бросив дела, кружить по тайге, чтоб найти пропажу, ? не мешайте ему, не отговаривайте ? с потерей вещи он может потерять уверенность в себе, разочароваться в своем умении, навсегда бросить промысел. Вот вам

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru маленький пример из собственной, назовем по-современному неблагозвучно, практики, что ли. Приобретя венгерский "Зимсон", решил я обновить и охотничьи принадлежности, среди которых особое место занял складной нож с крепким шилом, штопором и отверткой, но главное ? с выбрасывателем гильз на торце. Поскольку долго пользовался я старыми медными гильзами, доставшимися мне с ружьем от крестного, то часто они, разорванные, застревали в патроннике и застревали, как водится, в "горячую минуту", то рвал я и пальцы, и козонки, и стволы ружья царапал, добывая гильзы. Папковые гильзы заряжал я по два, иной раз норовил и по три раза. Славный был у меня ножик, верно служил мне до тех дней, пока я не попал на озеро Байкал, в просторную избу, из которой навечно уплыл на другую сторону озера Саша Вампилов, и Россия не перестала оплакивать его до сих пор. Напарник Саши ? человек безалаберный, пьющий, чувствуя свою вину перед гостями, а гостями в этом доме бывали чаще литераторы, пытался всячески "искупить вину", задабривал их и почему-то решил задобрить и растрогать меня тем, что подарил складной нож с инициалами на ручке ? "А. В.". С тех пор, как я получил гонорар ножом в спину, не могу принимать в подарки ножи, но мне почему-то их дарят и дарят, даже одна знаменитая, любимая певица привезла мне из столицы в Сибирь охотничий нож. Ну, а ножик Саши Вампилова был из той же серии, что и мой, охотничий, только мой был первых выпусков, из крепкой стали с ручкой из эбонитовых, ромбиками насеченных пластинок, чтоб не скользила рука, привинченных к основанию ручки крепкими шурупами. В ноже Саши все уже было упрощено, ручка гладкая, железо на ноже гнущееся, сталь мягкая, зато добавилось "украшение" ? медный ободок ? это уж вовсе по-советски: построить жилой дом так, что в нем и жить-то нельзя, зато повесить над дверью неуклюжий колпак с лампочкой или бетонную, издырявленную дуру поставить по обе стороны подъезда, как украшение современной архитектуры. Но это к слову. Приехал я домой с Байкала и стал, исполняя благодарную память, чаще брать на реку и в лес ножик покойного драматурга, а мой старый ножик начал "теряться". Через полгода, иногда через год найду его в кармане старого плаща или телогрейки. Приехал мой старый нож со мной в Сибирь, раза два объявлялся, поржавевший, запущенный, какой-то преждевременно постаревший, обиженный, и вот уж три года как исчез, совсем потерялся. Но исчез ? потерялся и вампиловский нож. "Ерунда. Совпадение. Старческий маразм. Юмор, да и только!" ? Ой, не скажите! Ой, не торопитесь верить современному пустословию, которым убедили нас, что мы, советские люди, ? самые на свете умные, все знаем, все умеем, только на горшок не просимся, в лифте или на площадке собственного подъезда почему-то опрашиваемся. Словесной, безбожной дешевке десятки лет, земной мудрости ? миллионы! И время, уверяю вас, мудрее нас, даже самых мудрых, и оно, время, ? бессмертно, у него, у времени, есть будущее, у нас его нет, потому что мы ? враги сами себе и враждебно относимся ко всему, что нам непонятно, ограниченному нашему уму недоступно. Близится к завершению "быковская эпопея". Материк во слиянии Чусовой и Сылвы, заканчивавшийся клином нетронутого, "колхозного" леса, береговым краем подходивший к деревушке Быковке, я избродил, освоил и не особо распространялся в городе о благодатном для охоты и рыбалки грибном и ягодном месте, но двух товарищей все же потаскал за собою, и один из них сделался заядлым "харюзятником", другой по натуре был романтик и стрелял не лучше меня, но побегать с ружьем любил. Нахлынул, было, на Быковку местный писатель и журналист, но в ту пору один был сюда транспорт ? водный в лице тихоходного теплохода "Урал", все надо было таскать на себе, от керосина до хлеба. Писатели, журналисты, художники и прочая интеллигентно себя понимающая публика таскать на себе ничего не любит, и стали они осваивать те места, куда теплоходы ходили чаще и начала бегать "Ракета". наших берегов если кто и достигал, селился ближе к большой воде, на берегу водохранилища. Ныне эти берега застроены дачами, колхозный лес, сделавшись беспризорным, срублен подчистую. Долго и упорно державшийся в устье Быковки лесоучасток со сплавным рейдом, выхлестал, с корнем вырывал те сколки леса, которые оставались для осеменения. Однако живуча, вынослива русская природа, как и русский человек, ? ни одна, уверяю вас, ни одна нация в мире не смогла бы существовать при той бесчеловечной системе, которая называла себя передовой и истребляла все вокруг, но прежде всего человека, поставленного на колени, и бессловесную природу, которая, однако, начала повсеместно паршиветь и отдавать "долги" людям ? страшная болезнь ? энцефалит ? распространилась по обезлесевшему Уралу и прежде всего по старым вырубкам, которые постепенно восставали к жизни, покрываясь густыми осинками, березой-чапыжником и в которых, пусть на версту, на две-три версты темнели раскидистые елушки, пихты, кое-где даже сосны и лиственницы. Но хламу ? малинника, кипрея, ползучей ивы, дикой акации, волчатника ? разлитое море. Местами земля до того заголена, гусеницами изорвана, что на ней вовсе ничего не растет, только все размывает и размывает склизкую луду дурными вешними потоками, покрывая гиблое пространство рытвинами, земными незаражающими ранами. Учил я,

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru учил своих домашних, как спастись от клеща, научил на свою голову, мол, где бы и когда бы ни увидели этого гада, непременно его сожгите. Поехала моя жена с племянником на теплоходе в город, букет цветов нарвали, и увидь глазастый парень тварь ползучую: ? "Ой, тетя Маня, клещ! Подержите его в ладони, я спичку достану". А только что они обихаживали избу, делали ремонт, и руки у обоих в царапинах, ссадинах ? этого хватило, чтоб заболеть обоим. Они еще успели вернуться, и начали умирать оба разом, за морем же, за рукотворным, ни больницы, ни врача, ? большой водой отрезаны люди от цивилизации, и теплоход ходит раз в сутки, это если только он не сломается, на мель не сядет и боевая его команда не запьет. Лихо пришлось всем, и больным, и тем, кто доставлял их в город уже беспомощных. В городе, как водилось при бесплатной советской медицине, нет в больницах мест. Попросил я Союз писателей помочь мне, позвонить в обком, но оттудова партийный чиновник, ведающий медициной, фыркнул; "Мне только этого не хватало ? заниматься писательскими женами!" Определили-таки люди добрые в больничной коридор сгорающую от адской температуры, беспомощно кричавшую жену. Парнишку положили в инфекционную больницу, но в больницах еще не знают, какой диагноз ставить и чем такую неслыханную болезнь лечить. Я дал себе слово, если жена выживет, уехать с Урала, бросить эту опостылевшую промышленную громаду, медленно, но верно погружающуюся во мрак, в дикость, в пустыню. Крепкое, мужественное создание ? моя жена, вятского крестьянского корня, она и меня, и пропащую послевоенную жизнь выдержала, и смертельную болезнь ? энцефалит, перемогла, не без последствий, конечно, ее левая, "рабочая", рука так и осталась полупарализованной, голова сделалась больная, сдало сердце, "сели" зрение и слух. Но оба мы еще были бодры, работоспособны и несколько лет, как оказалось после, самых счастливых, прожили в Быковке, где поднялся лес, посаженный мною в огороде, цвели цветы, принесенные мною с вырубок, особенно ярко и благодарно цвели дикие пионы ? марьяны коренья. Здесь мне хорошо работалось. Бывало, утром поднявшись, я до обеда не разгибал спины, потом брал удочку, иногда ружье, и шли мы вверх по речке, где были у нас уже обжитые места с кострищами. Изловив пяток-другой харюзков, варили мы уху ? а нет ухи вкуснее той, что варена из только что пойманной рыбки, да еще из той воды, где хариус и водится. Перез ухой бывало и выпьем по чарочке. Затем мы кипятили чай, заваривали его смородином и с наслаждением пили возле костерка, разговоры вели, Спирька стерег нас, хрустел сахарком или сушкой. Я шел дальше, поднимался по речке. Жена, не умеющая жить без работы, что-нибудь вязала на ходу, иногда читала, присаживаясь на полянку. Дома читать некогда, детки всегда нагружены работой. Речка Быковка, по которой когда-то велись выводки леса и даже проводился совсем уж дикий весенний сплав, очищалась, оживала, и вырубки вокруг постепенно оживали. На речке Быковке и ее притоках поселились сами по себе пришедшие сюда бобры, они строили плотины и на речке, и на ключах, в нее впадающих. Воскресала жизнь вокруг Быковки, воскресала и жена. Но вдруг новый удар ? ретивые хозяйственники взялись спасать в прах разбитый уральский лес, оберегать недра, принялись осыпать дустом то, что еще росло, цвело и жило. Приехал я однажды к водохранилищу, перешел его по льду, уже тающему, и следующим утром с ружьем отправился по просеке-тропе вдоль клина колхозного леса, по опушке, прежде всех троп вытаивающей из-под снега и радующей сердце первыми цветами ? белыми ветреницами и сиреневыми хохлатками. Сюда, на морозно сияющее солнце ? погреться, поклевать почек высыпала зимою боровая птица. Иду по просеке, под ногами что-то хрустит, и сапоги мои по колено в пере. Остановился, огляделся: батюшки-светы! Опушка-то вся завалена птичьими трупами: глухари, тетерева, рябчики, дрозды, даже скворцы, недавно прилетевшие, ворохами лежат, иные уж истлели, иные дотлевают ? отравлено птичье поголовье, отравлены зверьки, наевшиеся отравленного мяса. Еще раз убита! Еще раз растоптана, растерзана безответная уральская природа ? от этого удара ей уж не оправиться. И мы уехали с Урала в далекую, тихую Вологду, но еще не раз наведывались в нашу милую, нашу сиротски опустевшую быковскую избу, и еще бродил я с удочкой по речке, но не привозил с собой ружье ? незачем сделалось его привозить. Лишь кое-где по речке и ложкам подавал иногда голосок рябчик, урчали вяхири в ольховниках, в одном месте даже шарахнулся глухарь из осинников, реденько тянули вдоль опушки колхозного леса и над вырубками вальдшнепы по вечерам да где-то на горе, за деревней, шипел и рокотал одинокий косач. А ведь совсем недавно, всего несколько лет назад, небо здесь качалось от птичьих песен, безбоязненно мышковали лисы по полям, заячьими тропами были утопаны снега не только по речкам, но и в огородах. Великий охотник Спирька с азартным кобелишкой соседки моей выгоняли ко мне ошалелого лося, я отгонял его удочкой. Медведи развелись, однажды телку задрали неподалеку и съели. С одним медведем я на вырубках встретился нос к носу, слава Богу, мирно разошлись. На Вологодчине я застал водоемы, удобрения не отравленные, природу почти нетронутой, мало поврежденной цивилизацией. На прекрасном озере Кубенском было столько рыбы, что

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
местные рыбаки ерша, плотву и мелких подлещиков не ловили. Если эта мелочь попадалась ? оставляли ее на льду ? воронам и чайкам. Вологодская, Ленинградская, Кировская, с севера ? Архангельская ? опустошились, села совсем обезлюдели, либо полуумерли, да эти ли только места, называемые Северо-Западом России, с бедными землями, надорванные коллективизацией да самой беспощадной, браконьерской войной, вымерли?! Крестьянство всей России покидало родные, обжитые места, сбегалось в гибельные, раковой опухолью военной промышленности удушаемые города. Я купил избу в ста километрах от Вологды, в полузаброшенной деревушке на берегу реки Кубены и нарадоваться не мог своей удаче: река порожистая, с нерестилищами нельмы, налима и всякой иной рыбы; в полях и по окрестным лесам велся и токовал тетерев, глухарь, много развелось рябчика, тревожили дичь лишь на моторках и мотоциклах наезжающие городские охотники да дачники, начавшие стихийный захват пустующих изб и строительство теремов по берегам рек. Птицы было так много, что едущие ко мне зимние рыбаки за дорогу сшибали из малопульки с вершин берез по два-три косача. И здесь спохватились хозяйственники спасать природу и поднимать урожаи, которые частенько уходили под снег, потому что скоро сделалось некому их убирать. Леса здешние тоже с самолетов осыпали дустом, вывозили на поля кучу удобрений, их размывало дождями, паводками сносило в реки, и здесь усеялись леса птичьими тушками, тяжелыми трупами лосей и, свернувшимися в смертельной судороге жалкими трупами беззащитных зайцев, лис и одичалых кошек. Когда я, через десять лет, покидал Вологодчину и свою избушку в полюбившейся мне деревушке, на придорожных березняках сидело одно воронье. Живых деревень на сто верст в когда-то густо населенной местности и десятка не насчитывалось. Вместо одного скокаря, который налетал на женщин ночной порой в Вологде и отбирал у них сумки, и был немедленно изловлен, развелось тучи всякой мрази, ворья, грабителей, насильников. В старинном, тихом, храмами Божьими застроенном городе начали насаждать промышленность, и, как и в уральских, и в сибирских городах, сделалось здесь невозможно выходить из дому и не только темной порой. Город Вологда, сивившийся не отставать от соседнего Череповца и других промышленных гигантов, начинал расплачиваться кровью и смертями не только мирных и добрых людей, но и гибелью скромной природы, бедной земли. Современная цивилизация, которой так жаждали местные, прежде всего партийные, руководители, тоже желающие получать звезды и ордена, ? за патриотизм и рвение к соцпрогрессу, не щадя никого и ничего, достигала самых сокровенных уголков России, погружала в пучину бедствий и "Тихую мою родину", как назвал родную Вологодчину великий и праведный ее певец, рано покинувший земные пределы. Ну, а что же не "тихая", а бурная родина моя, Сибирь, куда я возвратился? Я ездил на родину с Урала и из Вологодчины в последнее время довольно часто. Бывал в родной деревне, плавал по Енисею до Игарки, живал у брата в большом даже по сибирским масштабам селе Ярцево, по тайге хаживал, с рыбаками общался и однажды решил написать что-то наподобие путевых заметок, но расписался и вместо очерков получилось повествование в рассказах ? "Царь-рыба". Одновременно я работал над книгой "Последний поклон" и уже по приезде на родину, через сорок с лишним лет закончил ее. Доводилось мне уже в нынешние времена бывать в местах, которые я описывал в "Царь-рыбе", одно время даже возникло желание написать книгу под названием "По следам Царь-рыбы", но когда я вник в сегодняшнюю жизнь, посмотрел "следы", оставленные в Сибири человеком за прошедшие четверть века, пришел в полнейшее смятение ? Сибирь подхватила "эстафету" ? так увесисто и цветисто называют газетчики, от разгромленного Урала и уничтожалась с размахом и теми масштабами, которые свойственны только нашему могучему государству, его безответственному, пустобрешному руководству и совершенно оголтело, разнузданно ведущему себя народу, который способнее бы назвать сбродом иль ? по-большевистски броско ? пролетариатом. Это и есть сброд, тупой и беспощадный. К сорока пяти годам, как это происходит со многими русскими охотниками, я "остыл", ружье в руки брал только по необходимости. Первое время я ездил со вновь приобретенными товарищами на Красноярское водохранилище ? порыбачить и за грибами. Я был несколько раз на строительстве самой могучей в мире Красноярской ГЭС во время ее возведения и однажды встретил там отряд строителей, приехавших заключать договор с красноярцами из Братска. Они оказались моими старыми знакомыми по строительству Камской ГЭС, под Пермью, и я спросил их, какие изменения произошли в работе по сравнению с так варварски по отношению к природе построенной на Урале ГЭС? Учтен ли разорительный, страшный опыт прошлого строительства? И ответили мне бывшие строители Камской ГЭС, что та гидростанция на пятьсот тысяч ватт, а Братская и Красноярская ГЭС возводятся на пять с лишним миллионов, соответственно и бардак здесь больше на пять с лишним миллионов. На Красноярском море бардак этот предстал воочию. Рыбачивший на водохранилище Камской ГЭС зимой и летом, пережил я первоначальную вспышку рыбного изобилия и полное умерщвление всего живого, по

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru
мере сгнивания под водой лесов, кладбищ, построек, отхожих мест. Уже и хищная рыба ? судак, щука, окунь поражены были эпистархозом, попросту говоря ? глистами. Помню, как жутко мне стало, когда один хороший стрелок ударил влет косача на вырубках и за птицей потянулись какие-то нити, а я подумал ? кишки, но то были глисты. Заразой пораженное, предстало передо мной рукотворное сибирское море, сплошь забитое погибшим лесом, потопленными селениями, пашнями, пастбищами. Рыба и здесь была заражена, парализованно бегала по верху воды, всплывала вверх брюхом в заливах, обожравшееся воронье да жадные чайки громко базарили, хватая из зеленого киселя богатый корм. Иногда мы сходили на берег ? набрать грибов, пощипать ягод, набить кедровых шишек и попутно сшибали пару-другую рябчиков ? на варево и слушали рассказы бывших жителей затопленных деревень о том, что была здесь богатейшая земля, без удобрений и хлопот давала хорошие урожаи пшеницы в тридцать центнеров с гектара, а заливные покосы и горные альпийские луга, а речки, в которых была тьма хариуса, тайменя по притокам, ленка... "А птицы! А ягод! А коз! А медведя! А марала! А кабарги! А лося!" ? Было, да сплыло. Понадобилась могучая энергия, чтобы крутить всепожирающее колесо военной промышленности ? ради этого губилась Великая река, все реки России, все лучшие пахотные земли, истреблялись леса, недра. Происходило неслыханное и невиданное в мире отчуждение людей от родной земли, от отеческого утла. Оседлое крестьянское поголовье превращалось в городское скопище, в людское стадо, в пролетарья, которому ничего уже не жалко: ни земли, ни себя, ни родителей, ни детей своих, ни соседей, ни друзей, ни настоящего, ни будущего родной планеты. Я очень быстро устал от пейзажа, знакомого мне по Уралу, и стал много ездить по Сибири. Побывал несколько раз в Эвенкии, в обжитом мною в детстве Заполярье, в ближних и дальних районах, где не совсем еще была разгромлена природа ? и никак, нигде не мог найти таежного уединения, того уголка, к которому прирос бы я сердцем. Родная моя деревня, где сразу же по приезде в Сибирь приобрел я избу и приобрел удачно: в родном переулке, против бабушкиного и дедушкиного, давно уже проданного, старого дома, ? превращалась в пригородный поселок, раскупленный и застроенный дачниками. Родичи мои и деревенские старики постепенно вымирали, население заметно сменилось, вместо развеселого, несколько даже забудьного деревенского народа, умевшего крепко пить, работать, широко гулять и хорошо петь, связанного узами родства, кумовства и соседства по дворам, по работе на пашнях, на лесозаготовках, селился вороватый и наглый народишко, чуждающийся всех и вся. Оно и понятно: усадьбы в моей родной деревне самые по округе дорогие, они не по карману человеку честному, скромно зарабатывающему свой хлеб, они доступны лишь разного рода хапугам, грабителям и спекулянтам, а эти открыто жить не могут, дружить ? тем более. Рыбалка на Енисее, на родных деревенских берегах сделалась мне недоступной. Здесь, на студеной зимой и летом воде, могут высиживать в лодках одного-двух сигов, поднимающихся с далекого севера, или пяток харюзков люди со здоровыми легкими, моя же добыча ? пескари, ерши, ельцы, сорожняк да подъязок в "мертвой воде" не водятся. Я все чаще стал ездить в город Енисейск, к знакомому охотнику-промысловику. Родом он с реки Сым, одного из средних притоков Енисея, и вполне естественно, что заволок он меня на вертолете в свои родные места. Дивные места! Дивная река Сым, текущая по белым пескам среди болот, озер, стариц, проток и причудливых оттоков от рек, начинающихся узкой горловиной и за берегом реки такой паутиной разветвляющихся, такие кренделя заворачивающих, что с непривычки и заблудишься в них. Рыбалка удочная и спиннинговая на Сыме неважная, лишь местами можно поймать харюзков-белячков, зато стерлядь здесь водится, вкуснее которой я не знал. Но все же язя, окуня, сорожняка на жарено или на уху поймать возможно. И охота по берегам реки подорвана, но так среди чистых песков, на бесконечных поворотах, в белых дюнах красиво! Среди сплошных сосняков растут белые грибы, клюква, брусника и таким морем, что сердце от восхищения замирает. Привыкая ко мне и моим "причудам", новый мой знакомый недоумевал, как это я, высадившись на берег, могу сидеть у костерка от самого утра и до самого вечера и не скучать? Сходивши в лесок, набирал я кедровых шишек, пек их в угольях, щелкал орехи и глазел, глазел, лишь иногда ? чтоб ружье на меня не обиделось, манил рябчика, которого здесь отчего-то зовут жеребцом! ? стрелял одного, а повезет, так и двух ? на варево, кидал спиннинг, палил по хитрому и любопытному нырку, непременно подкрадывающемуся к стану, чтобы поглазеть с реки на незнакомое ему двуногое существо. В буроголовую поганку-нырка попасть и хорошему стрелку мудрено, а я и не попадал, лишь пугал птаху и, вволю "наохотившись", кипятил чай, пил его с брусничкой, смородиной и не замечал, как проходил день. Счастливые сымские дни, вечера возле стана и ночи, незабвенные ночи, когда в охотничью избушку набьется, бывало, народу ? "до крыши"! Отужинает народ сообща, охотятся ушки, выпив перед нею из кружки, и, усталый, разморенный, уляжется на ночь. Лампа погашена, в железной печурке догорает огонь, мелькает из

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru полуприкрытой дверки ярко-красными бликами; народ, разговорившийся за столом, чаю крепкого напившийся, засыпает не вдруг, продолжает разговоры разговаривать, да все про ту же тайгу, про походы по ней, про охоту, про рыбалку. Ах ты, Боже мой! Чего тут только не услышишь, про какие чудеса и таежные страсти, про редкие явления природы, про зверей, про избавления от немощей, про птиц и собак не узнаешь. До того иной раз "лесной информацией" напитаешься, что ночью с криком подскочишь. Уж звезды в небесной глубине успокоенно мерцают, уж ночная птица за избушкой отухала, уж туманы речку запеленали так, что белой, вилючей жилую прочертила она темную тайгу, близко прошел зверь, отыскивая пару, и собаки, с лаем бросившиеся в ночь заполненный лес, вернулись к крыльцу, свернулись возле входа, изредка взлаивая во сне. А в избушке все течет беседа, люди, дружеством таежным спаянные, понятной, близкой сердцу красотой природы, ночным покоем утихомиренные, раза три-четыре в печку подбросят сухих дров, еще и еще в кружки чайку нальют, пока, наконец, не огласит тесное пристанище дружный мужичкий храп. Бывало, приплывут по реке и ночуют в избушке охотники с лицензией на лося, с разрешением на медведя. Я всегда просил моего знакомого охотника уговорить людей ? отвезти меня в деревню или не бить при мне зверя. Я знаю бывших фронтовиков, которые не могут видеть ничего красного, даже революционных полотен, не могут глядеть на сырое мясо. И я не то что боюсь, но нутром болею при виде большой крови, меня начинает тошнить, все во мне вроде как переворачивается "вверх дном". Мой приятель-охотник, великолепный знаток природы, рассказчик, каких поискать, понял меня: "В лодке кровь, шерсть, голова отрубленная, выпуклыми глазами смотрит, а в них сполох выстрела и тоска смертная..." Ни разу, ни при каких обстоятельствах, даже нуждой, голодом и жизнью давимый, не выстрелил я в зверя, не пролил большой крови и фронтовикам не советовал проливать. Увы, были и такие, что не послушались меня, и, как правило, кончали они, над суеверием моим насмехавшиеся, плохо. Охотник-промысловик, добывающий зверя на прокорм себе и семье, собакам, ? это совсем другое дело, это его работа, он ? добытчик, он этим живет, этим кормится. Вот снова наступили тяжкие времена на Руси, сбжавшиеся в город из бесправных, обнищавших деревень, русские крестьяне, получив маломальскую, плохо оплачиваемую профессию, покорно, безропотно стояли у станков, но большей частью у конвейеров, и терпеливо ждали квартиру, блага всякие, пользовались услугами нашей бесплатной медицины и бесплатного обучения детей в школах и вузах. Все это ? и оплата труда, и медицинское обслуживание, и блага, и развлечения ? было на униженном уровне, жилища убоги, транспорт вовсе плох, медицина, о которой представитель американской делегации, осмотрев лучший в стране онкологический центр в Челябинске, сказал: "У нас в таких больницах лечат тоже бесплатно. Негров." ? это, повторяю, в лучшем лечебном заведении страны, а в больнице Красноярского дока, что в поселке Базаиха, отказались бы лечиться и негры, но наши "негры", под названием "советские трудящиеся", лечатся, еще и рады, что койка досталась. В деревне этому народу было так плохо, что убогая городская житуха казалась ему благом, зарплатой, к которой надо прирабатывать или приворовывать или гнуть спину после рабочей смены и в выходные дни ? на загородном земельном участке, ? все же гарантирована, рабочее место в загазованных и невыносимо-жарких, грязных, часто и вредных цехах все же есть, квартира какая-никакая получена, ближе к пенсии ? свой угол ? чего еще может быть дороже и краше после того, как поболталась семья по страшным общежитиям или комнатам гостиничного типа, по чужим углам, по сгнившим клетушкам городских окраин. И уж раем, местом обетованным, желанной пристанью казалось место в городе, плавающем в грязи, в саже, в дыму, да еще в таком, как Красноярск, окруженном промышленной заразой, с незамерзающей рекой, с радиационными отходами, с озоновой дырой в небе, город, в котором и вокруг которого в радиусе двадцати километров нельзя ладить никакую огородину, да и жить в нем невозможно. Но втянулись, жили, терпели, хотя "население" на Бадалыке (городское кладбище) увеличивалось и увеличивалось скорее, интенсивней, чем в самом городе, ? здесь давно уже рождаемость по сравнению со смертностью нарушилась, думаю, только с уральским, погубленным регионом и может соперничать наш город по смертности. Я зрительно убедился в этом. Мой родственник попал на Бадалык в числе первых новопоселенцев, на небольшой участочек ? уголок возле иссыхающей, но все еще живой речки Бадалык. После похорон я ездил в один райцентр на десять дней ? отдохнуть, отдышаться от тяжелого потрясения. Возвращаюсь назад и не могу узнать Бадалыка ? могилы с намогильными знаками и крестами захлестнули уж не только речку, но и холмы за нею ? тысячи тысяч новых могил появились ? это за десять-то дней! Сейчас Бадалык ? целая кладбищенская империя, по населению, по-моему, превзошедшая население городское. Кладбище по санитарным и всяким другим нормам, в том числе и нравственным, пережило и изжило себя, его уже невозможно окинуть взором человеческим, на нем уже, на старом конце кладбища прежде всего, трудно найти родную могилу, а если найдешь ее ?

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru глядь, тут уже новый "клиент", под новой плитой поселился. Но, повторяю, из сегодняшней действительности и та нищая бесправная жизнь русским людям, если уж быть точнее ? пролетариям, кажется хорошей, райской, желанной, умиротворенной, и они готовы туда вернуться... Вот до чего можно довести самый терпеливый, родине своей преданный и покорный народ! Говорят, рай ? худое место, из него куда ни шагни, все плохо. Выходит, ад ? место самое хорошее; из него куда ни ступи, везде лучше. Но во всяком движении жизни, как и у всякой медали, есть две стороны: остановились промышленные гиганты, в том числе и самые вредные, химические, ? чище сделался воздух. Подорожала жизнь, люди рванулись к земле-кормилице, пока еще в странной, называемой на аристократический манер, дачной форме, но там не только папы, мамы, дедушки и бабушки и пролетарские дети, в основном ? бездельники и гуляки, учатся земле, труду, узнают, что картошка, хлеб, морковка и капуста не в магазине, не на базаре, на земле растут. Дороговизна горячего, техники, моторов, вертолетов, удобрений, энергии привела к тому, что уж не стонут воды и леса от нашествия двуногих "хозяев земли", беспощадно истребляющих леса и все в них живущее и растущее, отравляющих реки, озера и моря. Охотники и еще не разбежавшиеся деревенские и лесные люди утверждают, что за счет излома прогресса ослабилось нашествие людей на природу, больше стало в реках и морях рыбы, в лесах ? дичи и животных, Земля без удобрений рождает меньше, да чище на ней продукт, и, опять же, животный мир, птица, букашка-черепашка ожила, и кормится ею малая птаха, кое-где слышен голос жаворонка, перепелки, крик коростеля, свист скворца. А то ведь обезголосела, в уныние впала российская земля, одно воронье торжествует и орет на ней, да крысы едят все и всех подряд в городах, поселках и на станциях. Уже слышны голоса: волка не отстреливают, он сечет все живое в лесах и распространяется по краям и весям, и в городах, воронье почти уже прикончило малое птичье поголовье. Нет скотомогильников в деревнях, нет падали, а вороне без мяса не вестись, не плодиться, вот вороны и сороки начали пиратничать: выедать яйца, птенцов, не только в гнездышках, но и в скворечниках. Хитрые, коварные птицы, подлости и трусости набравшиеся у человека, вороны долго не трогали в нашем селе близкие к магазину скворечники, потому как здесь всегда народ. В основном, они нападают на скворечники во дворах одиноких старушек. Хлопают в ладоши старушки, метлой замахиваются, кричат, но хищнице хоть бы что ? сидит на скворечнике и ждет своей удачи. Перестройка пошла, магазин деревенский купили какие-то пьющие, в коммерции столь же понимающие, сколь, будучи юными патриотами, разумели они в искусстве и в хлебопашестве. Одну половину магазина с хозяйственными и прочими товарами они сразу же замкнули ? надо лопату, обувь, мыло-шило ? поезжай в город, говори еще спасибо, что хлеб подвозят, да и то в убыток себе. Опустел магазин, ослабел напор покупателей, оживились вороны и бродячие собаки. Приезжаю, как всегда, в начале мая в деревню. Во дворе голубые скорлупки яиц ? вороны уже поработали. Скворчиха оказалась упорная и бесстрашная, сделала еще кладку, вывела птенцов. Вороны уж тут как тут, только и слышишь ? скворчиха зовет на помощь, стрекочет встревоженно. Я выйду, камнем в ворону брошу ? отлетит, сядет на забор, ждет. Так было до тех пор, пока скворчата подросли, и как мама ни остерегала детишек, веля им не высовывать головки ? на свет белый поглядеть им охота, да чтоб скорее маму с кормом встретить, ? ворона цап-царап ребятенка малого за голову и, молча, воровски махает на увал ? там в гнезде ее ждут уже подросшие, зевастые воронята. Прикончив птенцов во всех дворах, обнаглевшие вороны начали охотиться и на скворчих. Поскольку скворечник в моем дворе приколочен к яблоне, здесь воронью караулить добычу совсем удобно, вот и не выпускает воронье овдовевшую и осиротевшую птаху из засидки. Однажды слышу стрекот совсем уж панический, не дождавись скворчихи, ворона села на порожек птичьего домика и сует голову в дырку. Тут я ее, наглуго и трахнул из старого моего ружья, потом и в соседних огородах уложил самых-то наглых охотниц, и вообще почистил нижний конец села. Приезжаю следующей весной ? нет в моем скворечнике любимых с детства птиц и в соседних дворах их не слышно, но зато появилась стайка воробьев, лишка уж года два не появлявшаяся на усадьбе, в укромном местечке мне только и известном, вьет гнездышко славная певунья ? мухоловка с мужем, украшенным алым пятнышком на груди. Прежде строившие гнезда в малиннике, явились они снова, поют вечерами, и чем дальше в ночь и темень, тем они слаженней, тем мелодичнее поют. А вороны на этот конец села не летают, если которая заблудится, машет стороной, да еще и орет выросшим деткам: "Тама не летай! Тама ружье стреляет!" Так вот и завершается моя охотничья эпопея: борюсь с вороньем, которое в Сибири черно, как головешки, и характером наши вороны ? сущие каторжники. Взнимутся иной раз над городом да с ором потянут над ним черной тучей, заслоняя и без того закопченное небо, невольно злоеющее в голову лезет ? о недалеком будущем ? не хочешь, да задумаешься... Как и всякий человек пожилого возраста, возлюбил я уединение и беседы с самим собой. А и прежде,

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru много шляясь по тайге вдвоем с ружьем моим, был я отъявленным отшельником, может, и по-язычески диковал, сам с собой разговаривал. Случалось, матерно бранил сам себя за неудачи и промахи, даже кулаком по голове бивал, но теперь, по спокойному размышлению, пришел к заключению, что все на земле сотворится по велению Божию. Не любивший ходить старыми путями по лесу, плутал я и шарился в таких местах, куда городской охотник во здравом уме и не подумает пойти, ломался в крепях, в глухих углах, в бурьянных завалах и в глуши вырубков. С детства обладая неким природным чутьем и некими знаниями травяного, лесного и птичьего мира ? это сколько же я угробил бы птичек Божьих, ан всему поставлен предел, я добыл в лесу ровно столько птицы, сколько отпущено мне было Божьим промыслом, и потому со мною в тайге ничего не случилось и не случится, опыт и осторожность битого фронтовика ? само собой, береженого и Бог бережет, и еще одна русская поговорка в придачу: "Дурак стреляет, Бог пули носит!" Лесовики и особенно современные яростные городские стрелки, если промазали по явной цели ? не досадуйте ? не ваша это добыча, не вам она предназначалась. Если в лесу с вами случилась беда, несчастье ? ищите вину в себе, вспоминайте почаще те грехи, которые вы совершили в глуши тайги, думая, что вас никто не видит, не слышит и варварства вашего, зла и бесовства не замечает. Не прощается, если вы берете от природы лишка, особая кара бывает за то, что невинная кровь зверя, птицы проливается ради забавы. Не верите мне? Припомните, спросите, сколь покалечилось, а то и погибло на веселой, наглой охоте городских налетчиков и деревенского иль леспромхозовского чванливого начальства. В силу стародавней привычки, когда я чищу ружье, люблю с ним поговорить, повспоминать, где мы вместе бродили, чего добыли, чего повидали. Ружье мое старое, фронтовым другом подаренное, все еще в хорошей сохранности, ворон бьет исправно. Жена моя, человек любопытный, однажды услышала, беседу какую я вел с ружьем, и сказала, чтоб я непременно написал об этом, вот я и написал, хотя ведь знаю же, по опыту знаю, что не все надлежит выкладывать на бумагу и отдавать неблагодарным людям. Самое драгоценное, как и самое страшное, самое чудовищное, что хранится в разных уголках души ? одно в светлом, другое в темном, ? нужно оставить при себе, унести с собою в ту будущую жизнь, которая по святой молитве чтется бесконечной и в которой нет ни боли, ни стонаний, ни бед. Надеюсь, и стрельбы там нет. От стрельбы люди устали и в этой зловещей, проклятой и прекрасной жизни. Если природу и охоту воспринимать как наслаждение, как наполнение сердца и памяти не злом, а любовью ко всему растущему, цветущему и поющему в лесу, ? я не считаю ее тяжким грехом, хотя любая кровь пролитая ? все же грех и, может быть, неотмолимый, и за кровь эту, за поедание себе подобных существ и братьев меньших несем мы вечное и заслуженное наказание. И закончить эти записи мне, как и всякому человеку, не лишнему чувству прекрасного, хотелось бы на светлой ноте, на солнечном озарении, на описании слияния радуги и цветов, на звучании музыки и песен, и я делал это в молодости с преобладающим удовольствием и не корю себя за это. Но "Всему свой час и время всякому делу под небесами..." Совсем недавно, три с небольшим года назад, с группой художников занесло меня опять на рукотворное Красноярское море, на подпертую стоячими ее водами речку Бирюсу, не ту, что поэт Ошанин с композитором Колмановским воспели, та впадает в Ангару, на нашу Бирюсу, которая впадала в Енисей, речку, знаменитую, пожалуй, лишь тем, что в устье ее, в затопленной и уже всеми теперь забытой деревне Бирюсе, родилась и возросла до невестинного возраста моя мачеха ? Черкасова Таисия Ивановна, которую я нынче схоронил на дивногорском кладбище, под соснами, и лежит она теперь рядом с дочерью и сыном. Здесь, неподалеку от бывшего устья Бирюсы, среди обвальных скалистых берегов, на лесистом мысу, возле кордона лесничего, осталась избушка, громко именуемая мастерской умершего местного художника, и время от времени сюда наезжают его сотоварищи по творчеству, и я с ними увязался. Осень была во всем разгаре ? пылали склоны, скалы, обвалы, распадки, поднебесные вершины, слава Богу, не страшным, всамделишным пожаром, которые здесь случаются почти ежегодно, ? а осенним пламенем. Пылала навечно прогрессом погубленная, но до конца так и недогубленная природа. На фоне серых и темных отвесов, на гибельно осыпающихся скалах сияли яркой зарею осинники, рябина, желтели и как-то весело, легко и щедро сорили листом березняки, по скальным распадкам раскалиенно краснели кустарники краснотала, ивняка, черемушника, меж которых обособленно, огненным взрывом разбросав все вокруг на стороны, восходила и не гасла и не погаснет до самых морозов нехитрая ягода ? калина, которую стаями облепляла беспокойная, всегда себя на земном базаре хорошо чувствующая птица ? дрозд. Мы, три рыбака, сидели с удочками на берегу одного из многочисленных заливов, а во время наполнения хранилища все лога, распадки, протоки, речушки и канавки ключей становятся заливами, в которых скалистые берега круто обрываются в непроглядную глубину. По заливу легкой волной колыхало и гоняло рыжую шубу опавшего листа, угоняло его вглубь, всасывало в узкие, все время шуршащие, беспокойные водяные

Астафьев Виктор Петрович Разговор со старым ружьем astafevvictor.ru щели. Клевало плохо, но солнечная погода, пылающие берега, тихая прохлада так нас утешили и разморили, что не хотелось шевелиться, разговаривать, а только дышать и глазеть. Полоска каменистого берега на другой стороне залива была, как и по всему водохранилищу, загромождена голотелым плавником, обломанными и необломанными косматыми выворотнями, зверье и разных чудовищ напоминающими. Дудочник, осока, кровохлебка, татарник росли здесь где густо, островками, где поодиночке, и все еще цвели местами ромашки, белый поповник и желтый суховей, да меж камней церковной свечкой теплилась недотрога. Обводя взглядом эту осеннюю красоту берегов и уже привычное человеческое безобразие, вдруг увидел я неподвижно сидящего волка. Сперва я подумал, что это мое воображение выявило и нарисовало волка из корней, но я вернулся взглядом к этому месту раз-другой и понял, что сидит живой, настоящий волк. Мой соартельщик по рыбалке подтвердил, да, это волк, он уже давно сидит и смотрит на нас, видно знает, что нет у нас ружья. Я забросил удочку, подсек окунька, затем сорожку, которую тут же выбросил, ? полное ее пузо набито глистами. Крачки, кружившиеся над заливом, подхватили рыбину с воды, с криком начали из-за нее драться, уронили, снова подхватили. Я подсек и выбросил в траву еще пару окуньков. Соартельщики мои чего-то добывали, ходили по берегу, наживляли червей на крючок, а волк все так же неподвижно сидел, глядел на людей, показалось даже, что он дремал или был больным. Что-то думал зверь, глядя на нас, или в самом деле дремал, пригретый солнышком, уверенный, что его, серого, среди серых камней и серых выворотней не видно. Какими созданиями мы, двуногие звери, представлялись ему, зверю четвероногому? Что-то все же неловкое, зловещее было во всем этом свидании, и когда в железной лодке кто-то из мужиков уронил весло, мы закричали волку: "А ну, уходи!" ? зверь махами пошел с берега, взметнулся на помятый яр и, сронив ворох листьев, скрылся в прибрежном кустарнике, мелькнул еще светлым лоскутом раз-другой меж стволов сосен и растворился в тайге. К вечеру усилился ветер, рыба совсем перестала брать, да мы уже и нарыбачили на уху, подались к нашему стану. В подтопленной, когда-то перекастистой, веселой Бирюсе мутная, донная вода гуляла слепо и пустынно, волны перехлестывали через лодку, с гор, с утесов, с каменистых подмоин срывало осенний наряд, словно после революционного праздника, комкало, сбрасывало вниз красные флаги, транспаранты, лозунги. За ночь раздело Бирюсу, а наутре ударилась со всего маху лодка в наш берег и примчавшийся за нами посыльный громко закричал: "Что же вы тут сидите? Картошку печете, уху хлебаете, а в Москве переворот, танки по Белому дому стреляют..." Какие зловещие совпадения бывают! Как тяжело от переворота до переворота движется наша жизнь ? неужто зверье заранее чует надвигающиеся на нас беды? Неужто ждет зверье, когда мы перепрем или перебьем друг друга иль до того выродимся, ослабеем, что волк, переплыв через залив, за все нанесенные ему обиды отомстит нам, захрустит нашими слабыми костями, вороны, крачки и шустрые мыши доклюют, доточат нами же произведенной заразой пораженные наши тела, нашу гиблыми червями наполненную утробу? Ах, ружье, старое мое ружье! Думал ли, гадал ли я, что буду завершать разговор с тобою на таком вот месте и такой вот печальной мелодией закончится моя таежная песня? Но какова жизнь, таковы песни, слово наше, навеянное нам небесами, подсказанное жизнью. Ружье в чехле, тайга далеко, лишь воспоминания мои со мною. Они печальны, но все еще хочется убедить себя, детей своих и ваших, что "печаль моя светла, печаль моя полна тобою", ? стало быть есть надежда, что еще теплится жизнь и кто-то неведомый, моей судьбы продолжатель, еще и еще пройдет моими тропами, моими глазами поглядит на лес, на горы, на речки, порадуетса им так же, как я умел радоваться и восторгаться земной красотой, спасться от всех наваждений, от всех бед и напастей, будет так же, как и я ? одинокий таежный бродяга-сочинитель и мечтатель, благодарно напевать бессмертное: "Благословляю вас, леса, долины, горы, долины... и одинокую тропинку, и в небе каждую звезду". Академгородок. Март 1997

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiytyodor.ru/> Приятного чтения!